

УДК 331.5.024.54

ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА ТИХОНОВА,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международного менеджмента
Белорусского государственного университета

АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СТЕЦ,
старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента
Международного университета «МИТСО»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

Актуализированы проблемные вопросы государственного определения и регулирования неформальной занятости населения в странах Евразийского экономического союза в современных экономических и демографических условиях. Даны структура и динамика неформальной занятости населения. Выявлены факторы, детерминирующие неформальную занятость в современных условиях. Определены и обоснованы направления снижения уровня неформальной занятости населения как угрозы экономической безопасности государств.

Ключевые слова: неформальная занятость, труд, работа, структура занятости, рынок труда, трудовые ресурсы, регулирование занятости.

L. E. TIKHONOVA, A. A. STETS

CURRENT STATE, TRENDS AND PROSPECTIVE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF INFORMAL EMPLOYMENT OF THE POPULATION IN THE EAEU COUNTRIES

The article highlights problematic issues of state definition and regulation of informal employment in the countries of the Eurasian Economic Union in modern economic and demographic conditions. The structure and dynamics of informal employment of the population are given. The factors determining informal employment in modern conditions are revealed. The directions of reducing the level of informal employment of the population as a threat to the economic security of states are identified and substantiated.

Key words: informal employment, labor, work, employment structure, labor market, labor resources, employment regulation.

Членство Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) обуславливает ее развитие в рамках стратегических направлений Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». В новых экономических и демографических условиях резко изменились как условия полной занятости, так и формы, виды занятости населения. В данном исследовании целью авторов является изучение состояния и регулирования неформальной занятости в странах ЕАЭС.

Занятость населения и ее регулирование — один из ключевых аспектов экономической безопасности любого государства. Данная проблема затрагивает не только вопросы благополучия жизни населения, но и, как следствие, вопросы демографии, уровень ВВП и др. Статистический анализ, анализ социально-экономического развития показывают, что традиционно большее внимание уделяется формальной, зарегистрированной занятости. Тем не менее определенная доля трудовых ресурсов находится вне данного сектора, представляя неформальную занятость населения.

Для определения неформальности на рынке труда в специализированной литературе по экономике, социологии и статистике используется большое количество самых различных дефиниций,

например «недекларируемая работа», «неофициальная занятость», «незащищенная занятость», «нерегулируемая занятость», «занятость в неформальном секторе экономики», «неустойчивая занятость». Тем не менее только два определения получили международное признание в качестве общепринятых статистических стандартов: «занятость в неформальном секторе» и «неформальная занятость». Эти концепции отражают два альтернативных подхода к проблеме неформальности, разработанных Международной организацией труда (МОТ) [1].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что неформальная занятость населения составляет значительную часть экономики многих стран, особенно в развивающихся регионах. На ее уровень влияют такие факторы, как темп инфляции, изменение структуры формального рынка труда, распространение самозанятости, развитие цифровых технологий, стремление предпринимателей сократить издержки на персонал. Тенденция приобретения работниками дополнительных компетенций, зачастую в сферах, не связанных с их формальной занятостью, приводит к их переходу в неформальный сектор с целью повысить свой заработок.

Развитие цифровых платформ, помимо влияния на уровень неформальной занятости, влечет за собой кардинальную трансформацию форм занятости населения в целом. Размываются традиционные понятия «наниматель» и «работник», «рабочее место» и «рабочее время» и т. д. Эти изменения уже сегодня на практике касаются многих профессий и сфер деятельности. Информационные технологии, пассажирские перевозки, службы доставки, бытовые услуги — во многих случаях специалисты этих сфер работают через цифровые платформы [2] и остаются вне формального сектора экономики.

Понимание масштаба и характера неформальной занятости дает правительствам стран возможность более точно оценивать экономическую активность и разрабатывать наиболее эффективную современную экономическую и социальную политику. Работники, занятые в неформальном секторе, часто лишены социальных гарантий, таких как медицинская страховка, пенсионные накопления и другие льготы. Официальное оформление трудовых отношений — это обеспечение гарантиями работающего граждан в вопросах социальной защиты. Кроме того, неформальная занятость часто связана с низкими доходами и нестабильностью, отражает культурные и социальные нормы, которые влияют на выбор людей работать неформально.

Неформальная занятость населения занимает уникальное положение в системе форм занятости населения, поскольку может быть аспектом как экономической единицы (неформальный сектор), так и рабочего места (неформальная занятость) и отражает, насколько эффективно экономическая единица и рабочее место признаются и охватываются формальными механизмами, такими как коммерческое право, трудовое право и система социальной защиты. Однако неформальная занятость обладает теми же статистическими свойствами, что и условия использования труда, поскольку она присутствует во всех категориях статуса в занятости [3, с. 44].

Для неформальной занятости характерно обилие переходных форм: от отношений, типичных для патриархальной или командной экономики, до чисто рыночной экономики, где все отношения приобретают денежную оценку. В категориях марксистской политической экономии это переход от «отношений личной зависимости» к «личной независимости, основанной на вещной зависимости». В доиндустриальных системах обмен деятельностью далеко не всегда получал денежную оценку, он маскировался отношениями личной зависимости. По мере развития рынка и становления индустриального общества все большее количество отношений между людьми приобретает денежную оценку и оформляется легальными контрактами, то есть отношения превращаются из неформальных в формальные [4].

Вопросами регулирования, уточнения определения, учета и статистики неформальной занятости занимаются не только правительства отдельных государств, но и международные организации. Так, в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (ООН) включен показатель 8.3.1, касающийся неформальной занятости. Это указывает на сохраняющуюся значимость этого понятия для достижения цели 8 в области устойчивого развития, касающейся содействия неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех, что свидетельствует о важности регулярного предоставления всеми странами, независимо от уровня их развития, данных о неформальной занятости [5].

Согласно Резолюции о статистике неформальной экономики, принятой на 21-й Международной конференции статистиков труда (Женева, 11–20 октября 2023 г.), «неформальная экономика» включает всю неформальную производственную деятельность физических лиц или экономических единиц, независимо от того, осуществляется она за плату или прибыль или нет. Незаконная и противоправная деятельность, связанная с товарами и услугами, которые запрещены законом, не входит ни в состав неформальной экономики, ни в состав других статистических понятий, которые определены в этих стандартах. Рабочие места считаются неформальными, если работодатель не перечисляет взносы обязательного социального страхования, не заключает письмен-

ный контракт и др., то есть не соблюдает трудовое законодательство [6]. Тем самым неформальная занятость автоматически переносится в теневой сектор экономики, в котором работодателям грозит административная и уголовная ответственность.

Евразийская экономическая комиссия к занятым в неформальном секторе относит лиц, которые в течение обследуемого периода были заняты по меньшей мере в одной из производственных единиц неформального сектора, независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации как юридического лица. К занятым в неформальном секторе относятся индивидуальные предприниматели; лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена [7].

Изучение нормативных правовых актов Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики позволяет констатировать, что неформальная занятость имеет следующие особенности:

- отсутствие официального оформления трудовых отношений;
- работа с целью получения дохода;
- отсутствие государственной регистрации у работодателя (как правило);
- отсутствие социальной и правовой защиты работника неформального сектора;
- отсутствие у работников оплачиваемого трудового отпуска.

Проблема вывода трудовых ресурсов из неформального сектора экономики актуальна во всех странах ЕАЭС. Влияние тяжелейших для экономики постсоветских стран 1990-х гг. до сих пор сказывается на стремлении некоторых экономических субъектов уйти в теневой сектор.

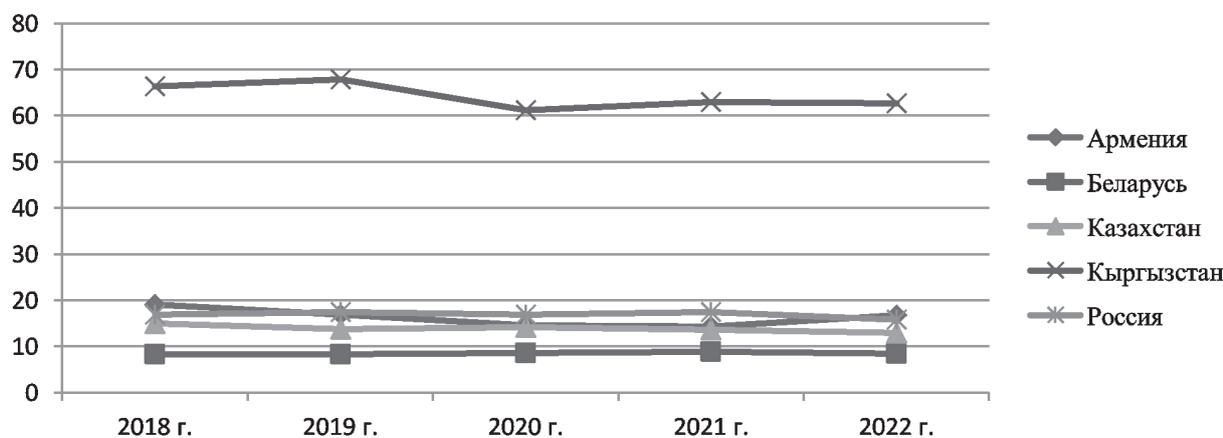

Рисунок 1 — Доля неформальной занятости в общей занятости в странах ЕАЭС, %
Источник: собственная разработка авторов на основе [7].

На рис. 1 видно, что по уровню распространения неформальной занятости среди стран ЕАЭС выделяется Кыргызская Республика, доля неформальной занятости в которой на протяжении 2018–2022 гг. составляла около 60 %. Основной причиной является невысокий уровень жизни населения, стремление граждан любыми способами обеспечить свою семью. Задача снижения неформальной занятости определена в Национальной программе Кыргызской Республики по переходу от неформальной к формальной экономике на период 2024–2030 гг. Так, заместитель председателя Федерации профсоюзов Кыргызской Республики Р. Бабаева в 2023 г. отмечала, что в неформальном секторе, по данным Нацстаткома, занято 1,7–1,8 млн человек из 2,5 млн трудоспособного населения, или 70 % [8]. Среди секторов с большой долей неформальной занятости Р. Бабаева назвала торговлю, сельское хозяйство, коммунальные услуги, пищевую промышленность, транспорт. При неформальной занятости, по оценке Федерации профсоюзов Кыргызской Республики, работники трудятся по 12–14 часов [8].

Достаточно остро проблема неформальной занятости стоит и в Российской Федерации. Российское правительство утвердило план по борьбе с неформальной занятостью на период с 2025 по 2027 г. В числе предусмотренных инициатив — проведение анализа численности граждан, не участвующих в трудовой деятельности, а также меры по их интеграции на рынок труда. Кроме того, план предусматривает усиление контроля за случаями оформления фиктивных трудовых отношений. Работает Межведомственная комиссия по вопросам погашения задолженности

по выплате заработной платы, снижению неформальной занятости населения и мониторингу состояния трудовых ресурсов. С 1 января 2025 г. в России начал функционировать реестр работодателей, у которых зафиксированы случаи нелегальной занятости. Вести реестр будет Роструд. Основным критерием для включения работодателя в реестр является нарушение трудового законодательства, связанное с нелегальной занятостью. Это может быть как подмена трудовых отношений договорами гражданско-правового характера, так и отсутствие трудового договора вовсе [9].

Росстат зафиксировал рост числа занятых в неформальном секторе экономики России до 15,837 млн человек в III квартале 2024 г. Это 21,3 % от общей занятости и максимальный показатель с 2016 г. как по численности, так и по доле. По сравнению с III кварталом 2023 г. рост составил 11,7 %, а по сравнению с II кварталом 2024 г. — 4 %. Эксперты связывают увеличение неформальной занятости с ростом числа самозанятых и сотрудников малых предприятий, а также с влиянием высокой инфляции и обусловленным этим расширением теневой экономики. В то же время динамика неформальной занятости за последнее десятилетие носила волновой характер [10].

На основании данных статистики Казахстана, в 2024 г. в неформальном секторе трудились 1 109 211 человек, что составляет 12 % от всего населения, занятого в экономике. По данным выборочных обследований домашних хозяйств, проводимых, в частности, аналитиками Adam Research, доля неформального сектора гораздо выше — 36,4 % [11].

Министр труда и социальной защиты населения Республики Казахстан С. Жакупова считает неформальную занятость второй ключевой проблемой рынка труда Казахстана после недостаточно активного создания рабочих мест со стороны бизнеса. На правительственном часе в Мажилисе Парламента глава ведомства сообщила о больших расхождениях в официальных данных по фонду оплаты труда и объемам фактически уплаченных пенсионных накоплений [12].

Как показало исследование, регулирование вопросов неформальной занятости в Республике Казахстан находит отражение в таких программных документах, как:

- Определение стратегии действий профсоюзов Казахстана в отношении нестандартных форм занятости (неформальной, самостоятельной и платформенной занятости), принятой МОТ и Федерацией профсоюзов Республики Казахстан;
- Концепция развития рынка труда Казахстана до 2025 года;
- Концепция социального развития Казахстана до 2030 года;
- Национальный план развития Казахстана до 2025 года.

По данным Статистического комитета Республики Армения, субъектами неформального сектора в основном являются семейные организации, где предпринимательская деятельность реализуется с помощью отдельных лиц, неоплачиваемых семейных работников или некоторых наемных работников. Эти субъекты в основном реализуют свою деятельность в небольшом масштабе, в статистически «невидимых» местах, то есть в небольших магазинах и мастерских, в домохозяйствах; организованный рынок, кредитные организации, современные технологии и профессиональная подготовка специалистов им практически недоступны.

Проблема неформальной занятости в Армении стоит достаточно остро, особенно в связи с перемещением лиц из Нагорного Карабаха. С 2023 по 2024 г. формальная занятость в Армении выросла на 5,2 % [13]. Вопросы регулирования неформальной занятости находят отражение в Законе о занятости, Стратегии занятости, стоят на контроле у Правительства и Конфедерации профсоюзов Армении.

В Республике Беларусь в соответствии с Методикой по расчету статистических показателей экономической активности и неактивности населения неформальная занятость определена как работа лиц, занятых в неформальном секторе, а также лиц, работающих по найму без оформления трудовых отношений в крестьянских (фермерских) хозяйствах или в других организациях (неформальная занятость вне неформального сектора). По состоянию на I квартал 2025 г. уровень неформальной занятости в Республике Беларусь не превышал 8,5 % [14].

Как показывает исследование, среди основных сфер, где преобладает неформальная занятость, выделяются оказание репетиторских услуг, услуг в косметологии и бьюти-сфере, услуги по ремонту помещений, услуги по ремонту автотранспорта, «челночная» торговля и др.

В Беларуси отмечается значительное преобладание занятости в неформальном секторе по несельскохозяйственным видам деятельности. Так, по данным Национального статистического комитета, в 2023 г. в сельском хозяйстве доля неформальной занятости составляла среди мужчин 7,1 %, среди женщин — 8,5 %, в несельскохозяйственных видах деятельности соответственно 12,2 и 7,7 %.

В республике ведется постоянная работа со стороны государства по уменьшению неформальной занятости. Вносятся изменения в Налоговый кодекс, разрабатываются программы содействия занятости населения.

После разработки в 2015 г. Декрета Президента Республики Беларусь «О предупреждении социального иждивенчества» (одной из целей которого был вывод из тени неформально занятых),

во-первых, было выявлено всего 50 тыс. налогоплательщиков (в 2015 г.). В январе 2018 г. был принят новый Декрет Президента Республики Беларусь № 1 «О содействии занятости населения», который предусматривает уплату государственных услуг в полной мере для тех категорий граждан, которые не участвуют в экономике. Вопрос о критериях отнесения к данной категории остается открытым, а вопрос о включении граждан в данную категорию будет решаться постоянно действующей комиссией, координирующей работу по содействию занятости населения [15, с. 28].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о лидерстве Российской Федерации в абсолютных показателях численности населения, занятого в неформальном секторе экономики ЕАЭС, что объясняется общей численностью рабочей силы. Однако в структуре неформально занятого населения по полу при длительно сохраняемом преобладании мужчин (во всех странах ЕАЭС) наблюдаются следующие тенденции (см. таблицу).

Таблица — Структура населения стран ЕАЭС, занятого в неформальном секторе по полу, %

Страна	2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	муж.	жен.								
Армения	59,6	40,4	59,4	40,6	63,7	36,3	62,2	37,8	63,6	36,4
Беларусь	58,4	41,6	58,9	41,1	62,5	37,5	60,1	39,9	57,7	42,3
Казахстан	52,2	48,7	52,1	47,9	52,2	47,8	51,8	48,2	53,4	46,6
Кыргызстан	67,1	32,9	66,2	33,8	65,1	34,9	66,2	33,8	65,3	34,7
Россия	55,4	44,6	55,3	44,7	55,4	44,6	55,2	44,8	55,2	44,8

Источник: собственная разработка авторов на основе [7].

Превышение доли женщин в общей численности неформально занятого населения стран ЕАЭС объясняется тем, что работа в неформальном секторе чаще сопряжена с более тяжелыми, рискованными, порой вредными условиями труда. Женщинам, особенно имеющим детей, гораздо важнее стабильность в работе, безопасность, наличие социальных гарантий.

Можно отметить стабильность структуры неформально занятого населения Российской Федерации, где соотношение мужчин и женщин практически неизменно на протяжении пяти лет. В то же время в Кыргызстане в неформальном секторе трудится практически в два раза больше мужчин, чем женщин, в то время как по остальным странам ЕАЭС превышение доли неформально работающих мужчин над долей неформально работающих женщин колеблется от 1,07 (Казахстан) до 1,75 (Армения). Разница в занятости мужчин и женщин в неформальном секторе экономики Кыргызстана обусловлена такими факторами, как традиционные гендерные роли, социальные и культурные барьеры для женщин, разница в уровне образования и профессиональных навыков у мужчин и женщин, необходимость обеспечивать семью у мужчин.

Одной из причин распространения неформальной экономики и, как следствие, неформальной занятости является рост уровня бедности. На этой основе можно утверждать, что снижение доли населения, живущего за чертой бедности, позволит снизить уровень неформальной занятости, и, наоборот, снижение доли неформально занятого населения позволит вывести часть населения на более достойный уровень жизни.

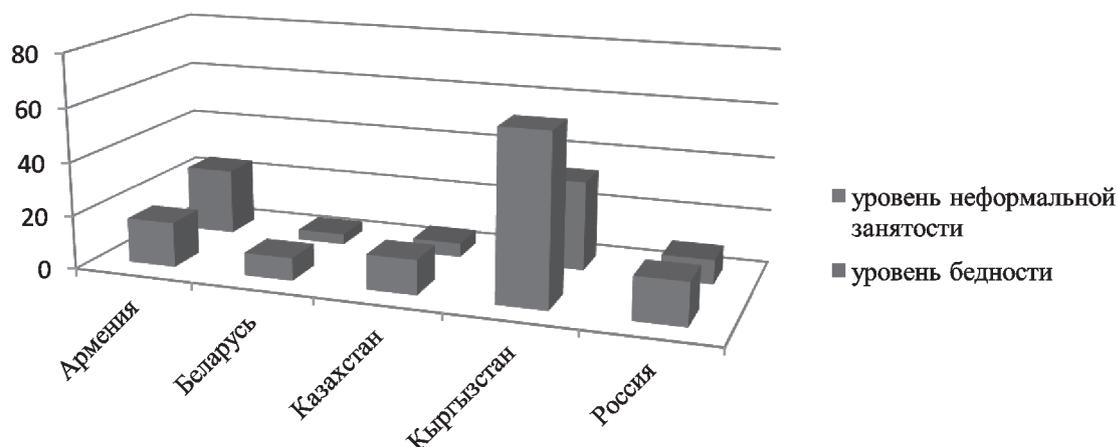

Рисунок 2 — Сравнение уровня неформальной занятости и уровня бедности в странах ЕАЭС в 2022 г.

Источник: собственная разработка авторов на основе [7; 16].

По результатам исследования прослеживается прямая зависимость уровня неформальной занятости от средней величины заработной платы в стране и, как следствие, уровня бедности (рис. 2). Сопоставления этих показателей подтверждают полученные ранее результаты, выделяя Кыргызскую Республику и Республику Армения как страны с наиболее высоким уровнем неформальной занятости и с наиболее высокими показателями уровня бедности в стране.

В целом в 2018–2022 гг. по ЕАЭС происходит постепенное снижение абсолютной численности занятых в неформальном секторе [7]. Отмечалось значительное снижение доли (на 4,45 %) неформально занятого населения в 2020 г., что объясняется пандемией COVID-19 и ее последствиями. В 2021 г. доля неформальной занятости вернулась практически к прежнему уровню. Однако в последующие годы наблюдается постепенное снижение (суммарно на 7 % в 2022 г. по сравнению с 2018 г.). Эти процессы происходят в первую очередь благодаря государственному регулированию.

Как отмечается в записке «О состоянии занятости населения в независимых государствах региона в 2024 году» Всеобщей конфедерации профсоюзов [14], каждая из стран — участниц ЕАЭС предпринимает различные меры по снижению уровня неформальной занятости. К основным направлениям относят проведение информационной кампании, направленной на популяризацию официального оформления трудовых отношений, усиление контроля за выплатой зарплат и упрощением оформления трудовых отношений в отдельных секторах экономики, усиление практической роли регионов в борьбе с нелегальным наймом и профилактики нарушений трудового законодательства.

Выводы

1. Основными причинами целесообразности сокращения уровня неформальной занятости населения в странах ЕАЭС являются вопросы социального и пенсионного страхования, проблемы легализации трудового и страхового стажа, вопросы применения норм трудового законодательства.

2. В Республике Беларусь ситуация с неформальной занятостью населения в целом стабильная на протяжении анализируемого периода, в настоящее время не превышает 8,5 %. Среди неформально занятого населения в странах ЕАЭС больше мужчин, чем женщин. Наибольший уровень неформальной занятости и ее гендерный дисбаланс наблюдаются в Кыргызской Республике (65 % мужчины и 35 % женщины).

3. В качестве перспективных направлений решения проблемы неформальной занятости целесообразно рассматривать:

- дальнейшее развитие государственного регулирования гибких форм занятости;
- постепенную легализацию неформальных видов занятости;
- приведение структуры рынка труда формального сектора экономики в соответствие с современными экономическими и информационными условиями;
- усиление роли и поддержки профсоюзов;
- сокращение возрастной и гендерной дискриминации;
- дальнейшее содействие занятости в сельской местности;
- повышение финансовой и правовой грамотности населения;
- усиление контроля за охраной труда.

Список использованных источников

1. Каримов, А. Г. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения / А. Г. Каримов, Г. Р. Фаткуллина // *Фундаментальные исследования*. — 2021. — № 1. — С. 61–65.
2. Опыт Беларуси по защите работников в условиях распространения новых форм занятости представлен в Пекине // Национальный правовой Интернет-портал. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/maj/88750> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Справочник по формам занятости // Европейская экономическая комиссия ООН. — Женева, 2022. — 183 с.
4. Нуреев, Р. М. Неформальная занятость в России: новые тенденции развития в XXI веке / Р. М. Нуреев, Д. Р. Ахмадеев // *ЖЕР*. — 2019. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-novyue-tendentsii-razvitiya-v-xxi-veke> (дата обращения: 04.08.2025).
5. Доклад Международной организации труда о статистике неформального сектора // Статистическая комиссия ООН. — URL: <https://docs.un.org/ru/E/CN.3/2022/24> (дата обращения: 04.08.2025).
6. Резолюция о статистике неформальной экономики / 21-я Междунар. конф. статистиков труда, Женева, 11–20 окт. 2023 г. // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. — URL: <https://new.cisstat.org/documents/20143/278218/ILO-ResolutionI-21ICLS-CIS-Stat-rus.pdf/4350a4e1-1783-3e0b-0244-776ee4f70c8c?version=1.2&t=1742808614809> (дата обращения: 15.07.2025).
7. Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза за 2018–2022 годы : стат. сб. // Евразийская экономическая комиссия. — М., 2023. — 169 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/ad7/LabourMarketYearbook2018_2022.pdf?ysclid=mdwu19z13o702799424%20%D0%B8 (дата обращения 04.08.2025).
8. Федерация профсоюзов о неформальной занятости // Новостной портал Myseldon News. — URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/281841941> (дата обращения: 15.06.2025).

9. В России с 1 января 2025 года заработал реестр неформальной занятости // Алтайский краевой союз организации профсоюзов. — URL: https://altksp-22.ru/press-center/glavnye-novosti/v-rossii-s-1-yanvaryaya-2025-goda-zarabotal-reestr-neformalnoy-zanyatosti/?sphrase_id=239515&ysclid=md4gznf5t238737292 %20 %D1 %80 (дата обращения: 12.06.2025).

10. Мелик-Шахназарова, Е. Неформальная занятость в России достигла максимума с 2016 года / Е. Мелик-Шахназарова // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». — URL: <https://www.solidarnost.org/news/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-dostigla-maximuma-s-2016-goda.html> (дата обращения: 20.06.2025).

11. Каждый третий казахстанец работает неформально или скрывает доходы // Центр деловой информации «Капитал». — URL: <https://kapital.kz/finance/132940/kazhdyu-tretiy-kazakhstanets-rabotayet-neformal-no-ili-skrывayet-dokhody.html?ysclid=md4e3pawyz15299739> %20 %D0 %BF (дата обращения: 15.06.2025).

12. Кунапия, Г. Основные проблемы рынка труда озвучила Жакупова / Г. Кунапия // Казахстанская правда. — URL: <https://kazpravda.kz/n/osnovnyye-problemy-rynka-truda-ozvuchila-svetlana-zhakupova> (дата обращения: 01.09.2025).

13. Количество работников в Армении выросло за год на 5,2 % // Всеобщая конфедерация профсоюзов. — URL: https://gctu-cgs.org/en/news/cis-and-eaeu-labor-market-news/kolichestvo_rabotnikov_v_armenii_vyroslo_za_god_na/?ysclid=mi6f387kh0241060608 (дата обращения: 30.08.2025).

14. О состоянии занятости населения в независимых государствах региона в 2024 году // Всеобщая конфедерация профсоюзов. — URL: https://gctu-cgs.org/analytical_materials (дата обращения: 28.08.2025).

15. Зайцева, О. В. Регулирование неформальной занятости в Республике Беларусь / О. В. Зайцева // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2018. — № 6. — С. 21–30.

16. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. — М., 2024. — 430 с. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2024.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

06.10.2025